

ЛИНГВИСТИКА

В. В. Дьячков, С. Г. Татевосов

ГЛАГОЛЫ ОТ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ: ПРЕДЕЛЬНОСТЬ И СОБЫТИЙНАЯ СТРУКТУРА¹

Рассматривается деривация глаголов от прилагательных в двух ареально связанных языках – горномарийском и татарском (мишарский диалект). Такие глаголы в обоих языках образуются с помощью суффикса *-l*, который, предположительно, был заимствован в горномарийский из тюркских языков. В обоих случаях суффикс деривирует глаголы нескольких структурных типов (инхоативы, каузативы и неэргативы), однако при этом соотношение между исходной основой и производным глаголом не всегда предсказывается существующими теориями явления. В частности, предполагается, что прилагательные так называемых открытых шкал образуют по умолчанию предельные глаголы, а прилагательные закрытых шкал – непредельные. Мы показываем, что это ожидание нарушается в рассматриваемых языках, и представляем обзор существующих моделей, отличающихся друг от друга характером семантических соотношений между основой и производным глаголом. Хотя большая часть отадъективных глаголов как в горномарийском, так и в татарском ожидаемо образует предельные глаголы с инхоативным компонентом ('стать А'), в обоих языках есть исключения из этого принципа. В горномарийском языке предельность, по-видимому, связана исключительно с наличием у прилагательного закрытой шкалы, в то время как в татарском она может коррелировать также с возможностью глагола обозначать ненулевое изменение состояния. Кроме того, в обоих языках широко представлена неэргативная модель, по которой образуются непредельные глаголы поведения ('вести себя образом, связанным с А'). Мы предполагаем, что в последнем случае происходит скрытая субстантивация прилагательного, благодаря которой прилагательное может интегрироваться в неэргативную структуру, что не нарушает принципов известных теорий и не требует каких-либо дополнительных допущений. Это допущение согласуется с тем фактом, что прилагательные, образующие глаголы поведения, в рассматриваемых языках широко используются и как существительные, в то время как шкалы данных единиц ожидаемо предсказывают непредельность глаголов.

Ключевые слова: горномарийский язык, татарский язык, морфология, деривационная морфология, отадъективные глаголы, прилагательные, акциональность, структура события

Введение

Для лингвистической теории последних десятилетий глаголы, образованные от прилагательных, представляют интерес в силу нетривиальных соотношений между производящей и производной основами (Hale, Keyser, 2002; Harley, 2005; Kearns, 2007; Kennedy, McNally, 2005; Kennedy, Levin, 2008) наряду со многими другими. Большинство этих работ посвящено анализу так называемых глаголов изменения состояния (*change-of-state verbs*), т. е. глаголов, которые вводят в рассмотрение процесс, сопровождаемый изменением свойства, которое описывается исходным прилагательным (*белеть*, *углубиться* и др.).

Эта статья посвящена описанию свойств отадъективных глаголов в татарском и горномарийском языках. В обоих языках такие глаголы образуются с помощью суффикса *-l*. Предполагается, что горномарийский *-l* – тюркское заимствование (Пенгитов, 1961: 229–231; Галкин, 1966: 129–132). И в горномарийском, и в татарском такие глаголы относятся к нескольким семантическим и событийно-структурным типам и варьируют как по составу актантов, так и по акциональным характеристикам. Таким образом, наша задача имеет два измерения. Во-первых, сравним отадъективные глаголы в двух языках и предложим несколько эмпирических обобщений об их сходствах и различиях. Во-вторых, уделим особое внимание тем отадъективным глаголам, которые не относятся к преобладающему типу глаголов изменения состояния, и сформулируем, в чем состоят особенности их деривации.

Во втором разделе обсудим данные татарского языка, которые позволяют сделать два обобщения об актантной структуре и предельности отадъективных глаголов. В третьем разделе в свете этих обобщений мы рассмотрим материал горномарийского языка. В заключении будут суммированы основные выводы.

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 22-18-00285.

1. Татарский язык

В татарском языке показатель *-l-* образует отыменные глаголы как от прилагательных, так и от существительных. В отличие от горномарийского, в котором *-l-* находится на периферии системы, в татарском языке это основное средство отыменной деривации. Этот же показатель используется в такой же функции в подавляющем большинстве других тюркских языков. (1)–(2) иллюстрируют деривацию глагола от существительного и от прилагательного.

- (1) et marat-nx teš-l-ä-de².
 собака Марат-ACC зуб-VRB-ST-PST
 ‘Собака укусила Марата’.

- (2) marat alsu-nx tuk-l-a-de.
 Марат Алсу-ACC сытый-VRB-ST-PST
 ‘Марат накормил Алсу досыта’.

Без дополнительных морфологических операций рассматриваемый показатель образует глаголы двух аргументно-структурных типов – **переходные** глаголы, как в (1)–(2), и **неэргативы** как в (3):

- (3) marat tir-l-i.
 Марат пот-VRB-ST.IPFV
 ‘Марат потеет’.

Оставляя в стороне деривацию глаголов от существительных, которая более подробно обсуждается в (Татевосов, 2017) и (Татевосов, Киселева, 2020), рассмотрим характеристики деривации глаголов от прилагательных.

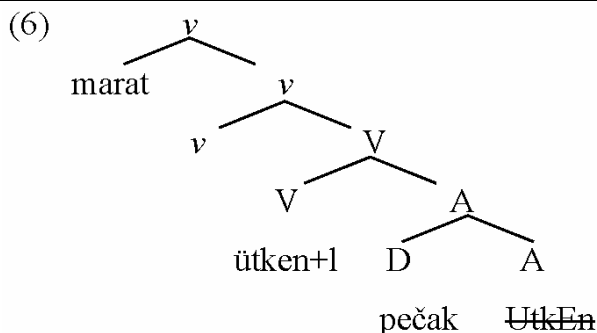
1.1. **Переходные глаголы**

Преобладающий класс глаголов на *-l-* от прилагательных – переходные глаголы, описывающие каузацию состояния, обозначаемого производящей основой как в (2). В (2) внешний аргумент (‘Марат’) приводит внутренний аргумент (‘Алсу’) в состояние ‘быть сытым’. Дополнительные иллюстрации (глаголы ‘делать зеленым’ и ‘точить’) приводятся в (4)–(5):

- (4) marat kap-nx jäšel-l-ä-de.
 Марат коробка зеленый-VRB-ST-PST
 ‘Марат покрасил коробку в зеленый цвет’.
- (5) marat ruxag-x-n ütken-l-i.
 Марат нож-3-ACC острый-VRB-ST.IPFV
 ‘Марат точит нож’.

В (Татевосов, 2017) для отыменных глаголов этого типа предлагается анализ, опирающийся на теорию К. Хейла и С. Кейзера (Hale, Keyser, 2002). Глаголы типа (5) имеют синтаксическое представление в (6):

² Татарский язык представлен данными мишарского диалекта (Татевосов и др., 2017). Морфологический анализ примеров следует соглашениям, которые изложены в этом описании. В частности, гласный *-A-* в (1) и далее рассматривается не как часть показателя *-lA-*, а как отдельный основообразующий элемент («ST»).

В этой структуре основным компонентом выступает группа прилагательного, в которой позицию вершины заполняет производящая основа, а спецификатора – именная группа, которая становится прямым дополнением производного глагола. Группа прилагательного – компонент глагольной вершины, фонологической реализацией которой выступает морфема *-l-*. Интерпретация этой структуры прозрачна. Проекция прилагательного описывает состояние ‘быть острым’, в котором находится нож. Проекция лексического глагола обозначает события, в которых это состояние возникает.

Далее в деривацию вступает вершина *v*, которая добавляет к структуре каузирующее подсобытие и его участника. Последний присоединяется в позиции спецификатора *vP*. Результирующая *vP* – это дескрипция событий, в которых каузатор делает так, чтобы возникло состояние ‘нож острый’.

Событийная структура вида (6) не определяет акциональные свойства предиката однозначным образом, однако ее компоненты, как правило, имеют акциональные корреляты. В частности, если в событийной структуре представлено результирующее состояние, предикат имеет предельную интерпретацию в перфективных формах. ‘Быть острым’ в (6) – именно такое состояние. Тест на сочетаемость с обстоятельствами длительности типа ‘за пять минут’ подтверждает, что глагол допускает предельное прочтение:

- (7) marat ike minut eřendä pıřag-ı-n ütken-l-ä-de.
 Марат два минута за нож-3-ACC острый-VRB-ST-PST
 ‘Марат наточил нож за две минуты.’

В (7) предельность определяется достижением кульминации – моментом вступления пациенса в состояние ‘быть острым’. Наличие предельной интерпретации – общее свойство всех переходных дериватов на *-l-* от прилагательных. Большинство допускает также неопредельное прочтение, когда развитие ситуации прекращается до достижения кульминации. Такая возможность иллюстрируется в (8):

- (8) marat ike minut buřna pıřag-ı-n ütken-l-ä-de.
 Марат два минута в.течение нож-3-ACC острый-VRB-ST-PST
 ‘Марат позанимался точением ножа две минуты (и бросил это занятие).’

На первый взгляд, в такой дистрибуции нет ничего необычного. Предельность обеспечивается характером событийной структуры, элемент которой – результирующее состояние, описываемое исходным прилагательным. Неопредельность можно отнести на счет механизма, который создает предикаты некульминирующих свершений (см., например, обзор подходов в (Martin, Demirdache, 2020)) и подчиняется общим ограничениям на их образование. При таком анализе деривация глаголов типа ‘точить, заострять’ не выглядит необычной, а их свойства кажутся предсказуемыми.

С глагольными дериватами от прилагательных есть, однако, общая проблема, которая проявляется и на татарском материале. Проблема связана с тем, как семантика прилагательного в составе глагола, где она, по предположению, описывает результирующее состояние, соотносится с исходной семантикой при адъективном употреблении. В (9) результирующее состояние – ‘быть смирным’, а семантика исходного прилагательного в положительной степени – ‘смирный’.

- (9) marat et-ni juaš-l-a-dx³.
 Марат собака-ACC смирный-VRB-ST-PST
 ‘Марат усмирил собаку’.

Семантическим следствием предложения (9) выступает утверждение, верное для прилагательного в положительной степени, – ‘собака смирная’.

(10) имеет несколько иную интерпретацию. Истинность этого предложения не влечет за собой истинность соответствующего предложения с адъективным предикатом в положительной степени ‘Саженцы редкие’.

- (10) marat üsente-lär siräk-l-ä-de.
 Марат росток-PL редкий-VRB-ST-PST
 ‘Марат проредил саженцы’.

(10) предполагает, что по завершении описываемой ситуации саженцы растут реже, чем в ее исходной точке, и не означает, что саженцы в результате растут редко. Создается эффект, что следствием (10) выступает истинность сравнительной, а не положительной степени, в отличие от (9).

Возникает два вопроса. Во-первых, от чего зависит тип интерпретации глагола от прилагательного – как в (9) или как в (10)? Во-вторых, как можно свести эти две интерпретации к общему знаменателю, не теряя обобщения, согласно которому в обоих случаях предельность определяется вхождением пациенса в результирующее состояние? Ниже предлагается краткая зарисовка теории, дающей ответ на оба вопроса.

В литературе, описывающей семантику глаголов изменения состояния, делались попытки связать семантические свойства отыменных глаголов со скалярными свойствами исходных прилагательных. В (Kennedy, Levin, 2008), (Kennedy, 2012), в частности, такие глаголы анализируются посредством функций, измеряющих степень изменения. Пример анализа показан в (11):

- (11) $\parallel \text{marat üsentelär siräklä} \parallel = \lambda e. \text{АГЕНС}(\text{marat})(e) \wedge \text{РДК}_{\Delta}(\text{üsentelär})(e) \geq \text{СТНД}(\text{РДК}_{\Delta})$

В (11) РДК_{Δ} – это функция, измеряющая степень изменения, которая применяется к индивиду x и событию e и возвращает степень d , в которой редкость x -а изменяется в ходе e . Глагол *siräklärgä* ‘прореживать’ в (10) обозначает отношение между пациенсом *üsentelär* ‘саженцы’ и событиями такое, что величина изменения редкости саженцев достигает стандарта сравнения для такого рода изменений ($\text{СТНД}(\text{РДК}_{\Delta})$).

Ключевое эмпирическое обобщение о том, как вычисляется стандарт сравнения, показано в (12):

³ В литературном диалекте татарского языка в такой конфигурации предпочитается глагол *юашландырырга*, каузатив от *юашланьрга* ‘становиться смирным’.

(12) Структура шкалы и стандарт сравнения:

- а. Если шкала S , привязанная к измеряющей функции g , закрыта снизу, $\text{СТНД}(g) = d_{\min}(S)$
- б. Если шкала S , привязанная к измеряющей функции g , закрыта сверху, $\text{СТНД}(g) = d_{\max}(S)$

Закрытость шкалы снизу или сверху – это наличие у нее соответственно минимального или максимального значения. Шкалы, которые обслуживают функции, измеряющие степень изменения наподобие РДК_Δ в (11), по необходимости закрыты снизу: минимальное значение на любой такой шкале – это нулевая степень изменения. Закрытость шкалы сверху полностью определяется семантикой исходного прилагательного. Для (10)–(11) это *siräk* ‘редкий’. Если у шкалы редкости есть максимум, есть максимум и у шкалы изменения редкости: максимальное изменение редкости – это, естественно, достижение максимальной редкости.

У *siräk* ‘редкий’ максимального значения нет: это видно из его несочетаемости с модификаторами, указывающими на крайнюю точку шкалы, типа *betenlāj* ‘совсем, совершенно, полностью’: *betenlāj siräk* ‘совсем редкий’.

Таким образом, шкала, привязанная к РДК_Δ , закрыта снизу и открыта сверху, а (11) эквивалентно (13). (13) описывает события, в которых происходит любое ненулевое изменение редкости саженцев.

(13) $\| \text{marat üsentelär siräklä} \| = \lambda e. \text{агенс}(\text{marat})(e) \wedge \text{рдк}_\Delta(\text{üsentelär})(e) \geq 0$

Ненулевое изменение параметра редкости не означает достижение стандарта редкости. Это объясняет отсутствие отношения следования между предложением в (10) и утверждением, содержащим положительную степень прилагательного *siräk* ‘редкий’.

Прилагательное *juaš* ‘смирный’, напротив, привязано к шкале с максимальным значением. Это показывает сочетаемость с *betenlāj*: *betenlāj juaš* ‘совсем смирный’. Соответственно, имеет максимальное значение и шкала, выступающая областью значений функции СМРН_Δ , которая измеряет изменение смирности. Максимальное изменение смирности наступает при наступлении максимальной смирности. Стандарт сравнения в случае с глаголом *juašlarga* ‘усмирять’ оказывается в полном соответствии с (12) максимальным:

(14) $\| \text{marat etno juaš-la} \| = \lambda e. \text{АГЕНС}(\text{marat})(e) \wedge \text{СМРН}_\Delta(\text{et})(e) = d_{\max}(\text{СМРН}_\Delta)$

(14) описывает события, в которых достигается максимальная степень изменения смирности $d_{\max}(\text{СМРН}_\Delta)$ и тем самым максимальная степень смирности. Это объясняет, почему по завершении такого события оказывается истинным утверждение, содержащее положительную степень прилагательного *juaš* ‘смирный’ – ‘собака смирная’.

Преимущество такого анализа состоит в том, что он позволяет объяснить семантические суждения о предложениях типа (9)–(10) без допущения о том, что первое содержит в своей структуре положительную, а второе – сравнительную степень прилагательного.

Есть и недостаток: теория предсказывает предельность предложений типа (9), но не предложений типа (10). (14) – квантованный, а значит, предельный событийный предикат: если e – событие, в котором достигается максимальная степень изменения смирности и изменение происходит градуально, то никакая собственная часть e не является событием, где достигается максимальная степень изменения смирности. Предикат в (13), напротив, не квантован, то есть неопределен. Собственные части событий, в которых достигается ненулевая степень изменения редкости, – это также события, где происходит (меньшая) ненулевая степень изменения редкости.

Теория, таким образом, предсказывает разную предельность для глаголов, деривированных от прилагательных с закрытыми и открытыми сверху шкалами. Для языков типа англий-

ского, как обсуждают К. Кеннеди и Б. Левин, это предсказание в точности выполняется. Для татарского языка оно неверно: как мы только что видели, предельны оба предиката.

Наша гипотеза, объясняющая это различие, состоит в следующем. В английском языке функции, измеряющие изменение типа $РДК_{\Delta}$ и $СМРН_{\Delta}$, выступают компонентом семантики глаголов и глагольных групп непосредственно, как в (11), (13) и (14). В языках типа татарского они участвуют в деривации опосредованно, задавая дескриптивные свойства результирующего состояния. (9) и (10) имеют с точностью до констант идентичную событийную структуру:

$$(15) \quad || \text{marat üsentelär siräklä} || = \lambda e. \text{АГЕНС}(\text{marat})(e) \wedge \exists s [\text{ПРОРЕЖЕН}(\text{üsentelär})(s) \wedge \text{CAUSE}(s)(e)]$$

$$(16) \quad || \text{marat et juašla} || = \lambda e. \text{АГЕНС}(\text{marat})(e) \wedge \exists s [\text{УСМИРЕН}(\text{Et})(s) \wedge \text{CAUSE}(s)(e)]$$

К ПРОРЕЖЕН и УСМИРЕН, отношениям между индивидами и состояниями прилагаются лексические аксиомы в (17)–(18):

$$(17) \quad \forall x \forall s [\text{ПРОРЕЖЕН}(x)(s) = 1 \text{ тогда и только тогда } \exists e [РДК_{\Delta}(x)(e) \geq \text{СТНД}(РДК_{\Delta})]]$$

$$(18) \quad \forall x \forall s [\text{УСМИРЕН}(x)(s) = 1 \text{ тогда и только тогда } \exists e [СМРН_{\Delta}(x)(e) \geq \text{СТНД}(СМРН_{\Delta})]]$$

Согласно (17), индивид x находится в состоянии ‘быть прореженным’, если есть такое событие e , что степень редкости x -а увеличилась в e на величину, не меньшую стандарта сравнения; аналогично для ‘быть усмирённым’. Функции $РДК_{\Delta}$ и $СМРН_{\Delta}$, значения которых соотношены со стандартом сравнения, дают тот же эффект, что и в (13)–(14). Чтобы быть прореженным, достаточно стать более редким; чтобы быть усмирённым, надо стать смирным. Однако будучи лексическими аксиомами, они не влияют на предельность предикатов в (15)–(16). Предельность зависит исключительно от того, что эти предикаты (причем оба абсолютно одинаково) предполагают кульминацию и наступление результирующего состояния.

Таков эскиз объяснения семантических суждений о предикатах, образованных от прилагательных с открытой и закрытой шкалой, а также их идентичного поведения с точки зрения предельности. В следующем разделе кратко охарактеризованы неэргативные глаголы от прилагательных.

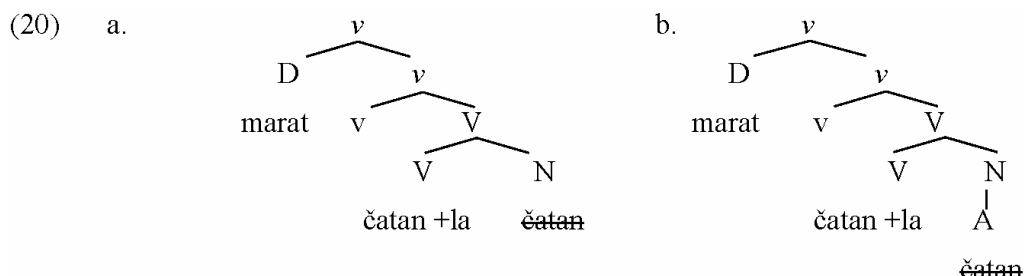
1.2. Неэргативы

Неэргативы среди глаголов от прилагательных менее многочисленны, однако также засвидетельствованы. В (Закиев и др., 1995: 418), например, упоминаются *irkenli* ‘чувствовать себя свободно’ (ср. *irken* ‘просторный, вольный, свободный’), *akrɨnlɨj* ‘медлить’ (*akrɨn* ‘медленный’), *soɲlau* ‘опаздывать’ (*soɲ* ‘поздний, последний’), *čatanlau* ‘хромать’ (*čatan* ‘хромой’). Последний иллюстрируется в (19).

$$(19) \quad \begin{array}{ll} \text{marat} & \text{čatan-l-ɨj.} \\ \text{Марат} & \text{хромой-VRB-ST.IPFV} \\ & \text{‘Марат хромает’}. \end{array}$$

Здесь обращает на себя внимание то, что результирующий глагол неопределен и с точки зрения акциональных и актантных свойств малоотличим от глаголов типа *tirli* ‘потеть’ в (3), образованных от существительных.

Это подсказывает возможный анализ таких глаголов (Татевосов, 2017): прилагательные типа *ĉatan* ‘хромой’ могут интегрироваться в событийную структуру как существительные или в силу своей исходной частеречной недоспецифицированности, как в (20a), или в результате скрытой субстантивации, как в (20b):

Вариант в (20b), где исходное прилагательное подвергается субстантивации, кажется более эмпирически адекватным. (20a) предполагает, что перечисленные выше лексемы способны функционировать как существительные в произвольных субстантивных конфигурациях. По всей видимости, этого не происходит.

(20a-b) – неэргативная структура К. Хейла и Дж. Кейсера, в которой существительное присоединяется как комплемент глагольной вершины. Оно в общем случае не имеет валентностей и не проецирует собственных аргументов. Не проецирует собственных аргументов, согласно К. Хейлу и Дж. Кейсеру, и вершина V. Соответственно, единственный аргумент, который может возникнуть в структуре в (20a-b), – это внешний аргумент предикации, который привносится вершиной v на следующем этапе деривации.

Идея, согласно которой прилагательное, внедряясь в структуру неэргативов, мимикрирует под существительное, подкрепляется параллелизмом в интерпретации отадъективных неэргативов и неэргативов, образованных от обычных существительных. В (Татевосов, 2017) отмечается, что глагольная вершина V в неэргативных конфигурациях представлена, по меньшей мере в двух вариантах – как глагол созидания или эмиссии (‘делать, создавать, выделять, испускать сущности из экстенционала непроизводного существительного’) и как дескрипция поведения, характерного для индивидов, входящих в экстенционал существительного. Первая возможность реализуется глаголами типа *tirlärgä* ‘потеть’ в (‘X участвует в ситуации, в которой создается/выделяется пот’, т. е. ‘X потеет’). Последняя иллюстрируется в (21):

- (21) marat julbasar-l-ĥj.
Марат разбойник-VRB-ST.IPFV
‘Марат разбойничает’.

Неэргативные глаголы от прилагательных задействуют ровно те же два варианта V. В (19) с глаголом ‘хромать’ можно предполагать интерпретацию, аналогичную (21): ‘хромать’ осмысливается как ‘иметь внешние проявления, характерные для хромых’. Глагол *irkenli* ‘чувствовать себя свободно’ имеет схожее прочтение: ‘находиться в состоянии, характерном для свободных людей’. Различия между этими случаями, если они вообще есть, должны вытекать из особенностей лексической семантики прилагательных ‘хромой’ и ‘свободный’, в частности, из того, что первое представляет собой дескрипцию физических свойств индивида, а второе – его эмоциональной конституции. То же самое, по-видимому, верно для глаголов *akṛnlĥj* ‘медлить’ и *soŋlau* ‘опаздывать’: ‘медлить’ – это ‘делать (так, что ситуация осуществляется медленно)’; аналогично для ‘опаздывать’, букв. ‘позднить’.

С точки зрения акциональных свойств неэргативы этого типа по умолчанию неопредельны. Для появления предельной интерпретации, как обсуждается в (Татевосов, 2017), должны выполняться дополнительные условия. Чаще всего такое происходит, если в деривации участ-

вует тот вариант V, который обозначает созидание или эмиссию и предполагает инкрементальное отношение с аргументом, а производящая основа представляет собой квантованный именной предикат. Прилагательные *akrın* ‘медленный’ и *soñ* ‘поздний’ неквантованы, а глаголы типа *irkenli* ‘чувствовать себя свободно’, *çatanlau* ‘хромать’ содержат другой вариант V. Производные от них глаголы предельной интерпретации предсказуемо не имеют.

Таковы в общих чертах характеристики глаголов на *-l-*, образованных от прилагательных в татарском языке. В следующем разделе мы рассмотрим их горномарийские аналоги, которые создают более сложный паттерн.

2. Горномарийский язык

2.1. Инхоативные и каузативные глаголы

В горномарийском языке с помощью суффикса *-l* образуются как переходные, так и непереходные глаголы. В (Саваткова, 2008) упоминаются пары *arê* ‘трезвый’ – *ar-l-aš* ‘трезветь’, *târ* ‘тихий’ – *târ-l-aš* ‘утихать’, *jalga* ‘прямой, гладкий’ – *jalga-l-aš* ‘обрубать (сучья)’, *jämdä* ‘готовый’ – *jämdä-l-äš* ‘готовить’, *tör* ‘ровный’ – *tör-l-äš* ‘ровнять, лечить’, *lasko* ‘ласковый’ – *lasko-l-aš* ‘ласкать’, *akšak* ‘хромой’ – *akšak-l-aš* ‘хромать’. В этом разделе мы рассмотрим только те единицы, которые имеют инхоативный компонент ‘стать А’ как часть своей семантики.

Горномарийские отадъективные глаголы могут быть предельными (по крайней мере, в одной из интерпретаций), как это показано в (22). Глагол *arlaš* ‘протрезветь’ в данном случае означает вхождение в состояние ‘быть трезвым’.

- (22) *vas'a ar-l-en.*
Вася трезвый-DENOM-PRET
‘Вася протрезвел’.

Как представляется, ситуация с глаголом ‘протрезветь’ несколько отличается от описанной выше ситуации с татарскими глаголами. Напомним, что спектр возможных интерпретаций, согласно предсказаниям существующих теорий и описанным выше наблюдениям о структуре татарских глаголов, зависит от того, описывает ли предикат достижение максимального значения признака или его ненулевое изменение. Соответственно, интерпретировать глагол ‘протрезветь’ можно двумя способами – либо как предикат, описывающий достижение максимальной степени трезвости, то есть такого состояния, при котором стать более трезвым невозможно, либо как предикат, обозначающий достижение минимальной степени трезвости.

Выше говорилось о том, что в татарском языке употребление модификаторов типа ‘совсем’ позволяет различить прилагательные, которые имеют максимальное значение признака, и прилагательные, которые его не имеют. Однако в исследуемом говоре горномарийского языка один и тот же модификатор *piš* может употребляться как с прилагательными (предположительно) открытых шкал, так и с прилагательными (предположительно) закрытых шкал. В первом случае возникает интерпретация ‘очень’, как в (23), во втором случае допустима интерпретация ‘совсем’ (24).

- (23) *Vas'a piš toša.*
В. INTS худой
‘Вася очень худой’.

- (24) *kornê piš tör ik jäm=ät uke.*
дорога INTS ровный одна яма=ADD EX.NEG
‘Дорога совсем ровная, ни одной ямы нет’.

Вместе с тем считать, что модификатор *piš* имеет два разных значения в зависимости от типа шкалы прилагательного, на наш взгляд, некорректно. Во-первых, в соответствующих контекстах выражения типа (23) опрошенные носители могли перевести и как ‘очень худой’, и как ‘совсем худой’. Во-вторых, некоторые интенсифицирующие модификаторы типа ‘совсем’ неоднозначны и в других языках. К примеру, в русском языке употребление прилагательного с модификатором *совсем* может служить как диагностика закрытой шкалы (*Зал совсем пустой*), однако этот модификатор допустим в определенных контекстах и с единицами открытых шкал (*Ты совсем худой*). Таким образом, мы предполагаем, что единицу *piš* в горномарийском можно считать интенсификатором, однако допускаем, что ее можно свести к единому семантическому инварианту, а не к двум разным значениям.

Семантика интенсификации имеет интересные следствия для сочетаемости *piš* с разными единицами. Она допустима далеко не со всеми единицами, которые соответствуют прилагательным закрытых шкал в языках европейского стандарта; *piš* может сочетаться с прилагательными типа ‘ровный’ (24), однако не может сочетаться с прилагательными типа ‘голый’ (**piš cārä*). Согласно комментариям опрошенных носителей, употребление *piš* в таких контекстах избыточно, потому что значение ‘голый’ в любом случае предполагает полное отсутствие одежды.

Из сказанного следует, что единицы, которые считаются (по крайней мере, в европейских языках) единицами закрытой шкалы, можно разделить на два класса. Единицы первого класса (такие, как *tör* ‘ровный’) допускают модификацию интенсификатором, а единицы второго класса (такие, как *cārä* ‘голый’) – нет. Возвращаясь к отадъективным глаголам, можно констатировать, что предикат *arlaš* ‘протрезветь’ образован от единицы, которая относится к тому же классу, что *cārä* ‘голый’, поскольку не сочетается с интенсификатором: **piš arä*.

Стандарт, соотнесенный с этим прилагательным, – это максимальная степень признака, и, таким образом, наблюдаемые факты горномарийского языка укладываются в обобщение, сформулированное в (12). Обобщение верно и для глаголов типа *tärläš* ‘утихать’ и *törläš* ‘ровнять’, которые ожидаемо имеют интерпретацию ‘вхождение в состояние’, возникающую благодаря наличию у исходного прилагательного максимального значения признака.

Сходная картина наблюдается в случае каузативных предикатов, которые в исследуемом говоре представлены глаголом *jämdäläš* ‘готовить’. Прилагательное *jämdä* ‘готовый’, как и ‘трезвый’, не сочетается с интенсификатором *piš*, вероятно, потому, что оно лексически кодирует максимальное значение признака, см. (25). Производный от прилагательного глагол также имеет компонент ‘вхождение в состояние’, иллюстрируемый в (26).

- (25) *kačkâš* **piš* *jämdä*.
 еда INTS готовый
 Ожид.: ‘Еда совсем готова’.

- (26) *Vas'a* *kačk-äš-äm* *jämdä-l-en*.
 Вася есть-NACT-ACC готовый-DENOM-PRET
 ‘Вася приготовил еду’.

Таким образом, материал горномарийского языка подтверждает уже сделанные обобщения. Несмотря на то, что тип шкалы не может быть идентифицирован так же однозначно, как в языках типа английского или татарского, значение стандарта у горномарийских глаголов связано с максимальным значением признака, обозначаемого основой. В следующем разделе мы рассмотрим случаи, когда прилагательные образуют неопредельные глаголы, к числу которых относятся неэргативы и некоторые другие единицы.

2.2. Неэргативы

Неэргативные глаголы в горномарийском языке немногочисленны, однако среди исследованных единиц имеется глагол *akšaklaš* ‘хромать’. Этот глагол может иметь только предельную интерпретацию:

- (27) Vas'a akšak-l-en.
В. хромой-DENOM-PRET
‘Вася хромал’ / *‘Вася стал хромой’.

Пользуясь логикой, изложенной в п. 2.2, мы можем предположить, что глагол *akšaklaš*, как и неэргативные глаголы в татарском, допустимо анализировать как глагол, образованный от имени (со значением ‘хромец’)⁴. Это решение кажется эмпирически адекватным и в силу того, что в горномарийском языке данная единица, по-видимому, может употребляться не только как прилагательное, но и как существительное⁵. Отметим, что какой вариант анализа мы бы ни приняли, неизменным остается следующее обобщение. Глаголы типа *akšaklaš* реализуют ровно одну из возможных неэргативных конфигураций, а именно ту, которая содержит дескрипцию поведения и соотнесена с вариантом вершины V, не имеющим предельного прочтения. При этом прилагательное *akšak* не является квантованным, и инкрементального отношения между производящей основой и вершиной V возникнуть не может. Как следствие, отадъективный глагол неопределен, что мы наблюдаем в (27).

В горномарийском языке есть другие прилагательные, которые не образуют предельных предикатов. К примеру, глагол *laskolaš* ‘ласкать’ от неквантованного прилагательного *lasko* (которое, впрочем, также может быть существительным) не обозначает ни состояние прямого объекта, ни вхождение в это состояние (28). В этом случае соотношение между основой и производным глаголом похоже на случай ‘хромать’, и при таком подходе вершина V также соотнесена с дескрипцией поведения субъекта (‘совершать действия, называемые ласковыми’ или ‘испускать ласку’). Если это верно, возникает вопрос, почему именно прилагательные типа ‘хромой’ и ‘ласковый’, но не многие другие, образуют только неопредельные предикаты – однако мы оставляем его за рамками работы.

- (28) Vas'a pi-m lasko-l-a.
В. собака-ACC ласковый-DENOM-NPST
‘Вася ласкает собаку’.

Заключение

Таким образом, в данной статье изложено несколько наблюдений и обобщений о структуре и интерпретации отадъективных глаголов в татарском и горномарийском языках, образованных с помощью аффикса *-l-*, предположительно являющегося заимствованием из первого языка во второй.

Преобладающий семантический тип таких глаголов – глаголы изменения состояния, у которых свойство, описываемое производящей основой, интерпретируется как результи-

⁴ Отметим, что для других языков анализ глаголов с идентичным значением как образованных от существительных, кажется сомнительным. К примеру, в русском языке глагол *хромать* образован не от существительного ‘хромец’, которое содержит деривационный суффикс, не представленный в производном глаголе, а от прилагательного: *хром-ой* – *хром-а-ть* – *хром-е-ц*. Однако здесь возникает вопрос, могут ли аспектуальные свойства определяться деривационной морфемой (в данном случае – тематическим гласным *-а*).

⁵ Отметим, однако, что проблема того, какое из употреблений является первичным и какое – вторичным, далека от решения, см. (Шитц, 2012) об именных свойствах прилагательных в финно-угорских языках.

рующее состояние. Этот тип представлен и в татарском, и в горномарийском языках. С точки зрения актантной структуры два языка неидентичны. В татарском языке результирующее состояние встраивается в каузативную структуру ('Х делает так, что Y становится носителем состояния A'), а сами глаголы оказываются переходными. В горномарийском языке такие глаголы преимущественно непереходны и имеют инхоативную интерпретацию ('Y становится носителем состояния A').

С точки зрения предельности татарские и горномарийские отадъективные глаголы не обнаруживают значимых различий. Они допускают предельную интерпретацию, при которой пациент вступает в результирующее состояние. В режиме интерпретации, характерном для некульминирующих свершений, они допускают также непредельную интерпретацию, когда развитие ситуации останавливается до кульминации, и результирующее состояние не наступает. Важное обобщение о татарской системе состоит в том, что доступность предельной интерпретации не коррелирует с типом шкалы (открытой или закрытой сверху). В этом отношении татарский язык отличается от языков типа английского, где прилагательные с открытой шкалой создают непредельные глаголы. Данные горномарийского языка обнаруживают важный нюанс: по всей видимости, глаголы изменения состояния на *-l-* образуются только от прилагательных, привязанных к закрытой шкале. В этом отношении горномарийский язык можно рассматривать как случай, промежуточный между татарским и английским. Как и в татарском языке, глаголы изменения состояния должны быть предельны. Как и в английском, это обеспечивается закрытостью шкалы производящего прилагательного. Деривация от прилагательных с открытой шкалой, которая не в состоянии обеспечить предельность, избегается.

Наконец, в обоих языках есть глаголы на *-l-*, которые относятся к классу неэргативов. Мы предположили, что в этом случае производящий элемент вступает в деривацию как существительное, а производная конфигурация имеет другой событийно-структурный тип с другими актантными и акциональными свойствами. Данные татарского и горномарийского языков, безусловно, совместимы с этим анализом. Вопрос о том, можно ли распространить его на аналогичные глаголы в других языках, пока остается открытым.

Литература:

- Hale K. & Keyser S. J.** Prolegomenon to a theory of argument structure. Cambridge: MIT Press, 2000.
- Harley H.** How do verbs get their names? Denominal verbs, manner incorporation, and the ontology of verb roots in English / Nomi Erteschik-Shir, Tova Rapoport T. (eds.) The Syntax of aspect. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 42–64.
- Kearns K.** Telic senses of deadjectival verbs // *Lingua*. 2007. No. 117. P. 26–66.
- Kennedy Ch. & Louise McN.** Scale structure, degree modification, and the semantics of gradable predicates. *Language*. 2005. No. 81 (2). P. 345–381.
- Kennedy Ch. & Beth L.** Measure of change: The adjectival core of degree achievements. In Louise McNally, Christopher Kennedy (eds.). *Adjectives and adverbs: syntax, semantics and discourse*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 156–182.
- Kennedy Ch.** The composition of incremental change // Demonte V., McNally L. (eds.). *Telicity, change, state: A cross-categorical view of event structure*. Oxford: Oxford University Press. 2012. P. 103–121.
- Martin F. & Hamida D.** Partitive accomplishments across languages // *Linguistics*. 2020. No. 58 (5). P. 1195–1232.
- Галкин И. С.** Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Часть II. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1966.
- Закиев М. З., Ганиев Ф. А., Зиннатуллина К. З.** (ред.). Татарская грамматика. Том 1. Фонетика. Казань, 1995.
- Пенгитов Н. Т., Галкин И. С., Исанбаев Н. И.** (ред.) Современный марийский язык. Морфология. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1961.
- Саваткова А. А.** Словарь горномарийского языка. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 2008.
- Татевосов С. Г.** Событийная структура некоторых отыменных глаголов // *Элементы татарского языка в типологическом освещении. Мишарский диалект*. Москва: Буки Веди, 2017. С. 249–280.

Татевосов С. Г., Киселева К. Л. Инкорпорация и акциональность: несколько наблюдений о предельности отыменных глаголов // Е. В. Головкин, Е. В. Горбова, П. А. Кочаров (ред.). Взаимодействие аспекта со смежными категориями. СПб: Изд-во РПГУ им. А.И. Герцена, 2020. С. 431–444.

Шуц О. А. Атрибутивная группировка словоформ качественной семантики в уральских языках (в сравнительно-сопоставительном аспекте): дис. ... канд. филол. наук. Томск: ТГПУ, 2012.

Дьячков Вадим Викторович.

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.

Институт языкознания РАН.

Большой Кисловский пер., 1, стр. 1, Москва, 125009.

МГУ им. Ломоносова.

Ленинские горы, 1, Москва, 119991.

E-mail: hypnocentaurus@mail.ru

Татевосов Сергей Георгиевич.

Доктор филологических наук, заведующий кафедрой, доцент, профессор РАН.

МГУ им. Ломоносова.

Ленинские горы, 1, Москва, 119991.

E-mail: tatevosov@gmail.com

Материал поступил в редакцию 27 июля 2023 г.

V. V. Dyachkov, S. G. Tatevosov

VERBS DERIVED FROM ADJECTIVES: TELICITY AND EVENT STRUCTURE

This article discusses the derivation of verbs from adjectives in two areally related languages, Hill Mari and Tatar (Mishar dialect). Such verbs in both languages are formed using the suffix *-l*, which, presumably, was borrowed into Hill Mari from the Turkic languages. In both cases, the suffix derives verbs of several structural types (inchoatives, causatives and unergatives), but the semantic relations between the original stem and the derived verb are not always predicted by the existing theories of the phenomenon. In particular, it is commonly assumed that the adjectives of the so-called open scales derive telic verbs by default, and the adjectives of closed scales derive atelic verbs. We show that this prediction is not always confirmed in the languages in question and present an overview of existing derivational models that differ from each other in terms of semantic relationships between the adjectival stem and the derived verb. Although most deadjectival verbs in Hill Mari and Tatar are expected to form telic verbs with an inchoative component ('become A'), there are exceptions to this principle in both languages. In Hill Mari, telicity is associated exclusively with the closed scale of an adjective, while in Tatar it also correlates with non-zero change-of-state readings available with some verbs. In addition, in both languages, the unergative model is widely represented by atelic behavior-related verbs ('behave in a manner associated with A'). We propose that in the latter case, adjectival stems undergo covert substantivization and can be integrated into an unergative structure, which does not violate any principles of known theories and does not require any additional assumptions. This proposal is consistent both with the fact that adjectives forming behavior-related verbs are also widely used as nouns in the languages under consideration, and the scale of an adjective correctly predicts telic properties of a verb.

Keywords: *Hill Mari, Tatar, derivational morphology, deadjectival verbs, adjectives, aktionsart, event structure*

References:

Galkin I. S. Istoricheskaya grammatika marijskogo yazyka. Morfologiya. Chast' II [Historical grammar of Mari]. Yoshkar-Ola: Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1966.

Zakiev M. Z., Ganiev F. A., Zinnatullina K. Z. (ed.). Tatarskaya grammatika. Tom 1 [A grammar of Tatar. Volume 1]. Fonetika. Kazan', 1995.

Hale Ken & Keyser S. J. Prolegomenon to a theory of argument structure. Cambridge: MIT Press, 2020.

Harley H. How do verbs get their names? Denominal verbs, manner incorporation, and the ontology of verb roots in English / Nomi Erteschik-Shir, Tova Rapoport T. (eds.) The Syntax of aspect. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 42–64.

Kearns K. Telic senses of deadjectival verbs // *Lingua*. 2007. No. 117. P. 26–66.

Kennedy Ch., McNally L. Scale structure, degree modification, and the semantics of gradable predicates // *Language*. 2005. No. 81 (2). P. 345–381.

Kennedy Ch., Levin B. (eds) Measure of change: The adjectival core of degree achievements / *Adjectives and adverbs: syntax, semantics and discourse*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 156–182.

Kennedy Ch. 2012. The composition of incremental change / Violeta Demonte, Louise McNally (eds.). *Telicity, change, state: A cross-categorical view of event structure*. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 103–121.

Fabienne M., Demirdache, H. Partitive accomplishments across languages // *Linguistics*. 2020. No. 58 (5). P. 1195–1232.

Pengitov N. T., Galkin I. S., Isanbaev N. I. (eds.) *Sovremennyy marijskij yazyk. Morfologiya* [Modern Mari language. Morphology]. Yoshkar-Ola: Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1961.

Savatkova A. A. *Slovar' gornomarijskogo yazyka* [A dictionary of Hill Mari]. Yoshkar-Ola: Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2008.

Tatevosov S. G. Sobytiynaya struktura nekotoryh otymennyyh glagolov [Event structure of some denominal verbs] // *Elementy tatarskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii. Misharskij dialect* [Elements of Tatar language in typological perspective. Mishar dialect]. Moscow: Buki Vedi, 2017. P. 249–280.

Tatevosov S. G., Kiseleva K. L. Inkorporaciya i akcional'nost': neskol'ko nablyudenij o predel'nosti otymennyyh glagolov [Incorporation and aktionsart: several observations on telicity of denominal verbs] // E. V. Golovko, E. V. Gorbova, P. A. Kocharov (eds.). *Vzaimodejstvie aspekta so smezhnymi kategoriyami* [Interaction of aspect with related categories]. SPb: Izdatel'stvo RPGU im. A.I. Gercena, 2020. P. 431–444.

Shitc O. A. Atributivnaya gruppировка slovoform kachestvennoj semantiki v ural'skih yazykah (v sravnitel'no-sopostavitel'nom aspekte): Dis. ... kand. filol. nauk [Attributive group of word forms with qualitative semantics in Uralic languages. Ph.D. thesis.] Tomsk: TGPU, 2012.

Dyachkov Vadim Viktorovich.

Candidate of Philology, Senior Researcher.

Institute of Linguistics RAS.

Bolshoy Kislovskiy lane, 1b1, Moscow, 125009.

Lomonosov Moscow State University.

Leninskiye gory, 1, Moscow, 119991.

E-mail: hyppocentaurus@mail.ru

Tatevosov Sergey Georgievich.

Doctor of Philology, Head of Department, Assistant Professor, Professor of RAS.

Lomonosov Moscow State University.

Leninskiye gory, 1, Moscow, 119991.

E-mail: tatevosov@gmail.com